

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Кузница милосердия

Алексей Смирнов

Кузница милосердия

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Кузница милосердия / А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903921-7

Продолжение знаменитой врачебной хроники «Под крестом и полумесяцем»,
дополненное миниатюрами и рассказами разных лет — новая редакция.

ISBN 978-5-44-903921-7

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Кузница милосердия	6
Как вкусно просить прощения	7
Побег из курятника	8
Естественная монополия	9
Борзые талончики	10
Солитер	11
О деликатных тонкостях	12
Реакция на Реформацию	13
Транквилизатор	14
Визит дамы	15
Под водительством Мопассана	16
На линии доктор Кулябкин	17
Языковой барьер	18
Путь к сердцу мужчины лежит через желудок	19
Маврикиевна	20
Пирация	21
Шубы	22
Диссиденты	23
Гангстер	24
В каждом рисунке – солнце	25
Нос	26
Холодный душ Шарко	27
Малый Апокалипсис	28
Ностальгия	29
Варангер-фьорд	30
Масоны	31
Одна снежинка – еще не снег	32
Готовь сани летом	33
Падения и выпадения	34
Матка-яйки	35
Хлопцы-кони	36
Про молодость, которая не знала, и про старость, которая не могла	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кузница милосердия

Алексей К. Смирнов

Иллюстратор Несис Елишева

© Алексей К. Смирнов, 2018

© Несис Елишева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3921-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кузница милосердия

Все, что последует ниже, написано не про врачей и не про больных. То же самое можно было бы написать о ком угодно. Мне повезло побывать в прошлой жизни врачом, а потому медицина сделалась линзой, в которой сходятся жизнеописания. И мне очень не нравится, когда эти миниатюры называют «медицинскими байками». Я не рассказываю баек, все написанное – чистая правда.

Я глубоко признателен за помощь моим бывшим коллегам, особенно врачу Скорой Помощи Александру Иванову, моему другу еще со студенческой скамьи.

Один бы я не справился.

Было бы ошибкой увидеть во всем, что последует, продолжение хроники «Под крестом и полумесяцем», изданной издательствами «Геликон Плюс» и «Ракета» (в расширенной версии). Да и сами истории здесь не совсем похожи на те, что составили хронику. Длиннее они, что ли. Наверное, да. В этом все дело. Или в чем-то другом. Они и не хроника, потому что записывались по мере того, как вспоминались, а не как происходили в исторической последовательности.

Кушать подано, стол общий, язвенникам не читать.

Как вкусно просить прощения

Был такой детский рассказ, не помню, чей. Может быть, Драгунского. Там мальчик набедокурил, но потом извиняется: трогательно прижимается к маме и вдруг понимает, что это очень просто, и очень приятно, и «даже немножко вкусно – просить прощения».

Это «вкусно» мне запало в голову и всплыло, когда я читал дочке сказку, а в сказке был повар в белом колпаке, вот ребенок и спрашивает: зачем белый колпак?

– Ну, – говорю, – чтобы волосы в суп не падали. Тебе приятно, когда там плавают? А белый – чтобы все видели, что чистый. А то напялит себе черный, и поди разбери, день он его носит или месяц.

Много лет назад я учился и работал при кафедре нервных болезней Первого Ленинградского мединститута. Нет, уже Санкт-Петербургского медицинского университета. Сразу чувствуется разница. Дежурил, разумеется, по ночам. И вот меня вызывают в приемный покой на предмет расследования пьянства. Пьянство было раскрыто на пищеблоке; подозреваемая повариха доставлена, куда надо, и ждет моего вердикта.

Прихожу. Созерцаю.

Я человек либеральный, никого не осуждаю, все понимаю. Если что про кого напишу, так в документальном стиле, без оргвыводов. Но здесь я даже споткнулся. Повариха, которой не дали приготовить обед для всего института, стояла совсем испуганная и несчастная. На ней были белые одежды ангела. Этого ангела, ходившего к сынам человеческим, низвергли на землю; содрали в наказание крыла и хитон, постелили их у входа в адский сортир, где тысячи бесов вытирали о них свои черные копыта.

Потом одежды с крылами надели обратно на ангела, а на прощание выплеснули на фартук ночной горшок Люцифера.

И я не сдержался. Это был последний в моей жизни проблеск гражданского идеализма. Я приблизился, оттянул лямочку фартука и обратился с такой речью:

– Послушайте, я все понимаю. Мне плевать, что вы выпили. Но вы же обед варили – что, что это? В каком вы виде?

Повариха вытаращила глаза, отшатнулась и пробормотала:

– Я больше не буду.

И я увидел, как это всем будет вкусно, прощение поварихи.

Побег из курятника

На поэтическом фуршете ко мне обратился застенчивый молодой человек, который, как выяснилось, занимается Рекруитментом, а потому читает идиотские книги в моем переводе. Вежливо и тонко хихикая в ответ на мои ядовитые реплики, он выразил надежду на какое-нибудь сотрудничество в перспективе. Не имея ничего против него лично, я в сотый раз содрогнулся при словах «работать в команде». Нет ничего страшнее для меня, чем сделаться «командным игроком».

Всегда и везде я искренне ненавидел начальство за то, что оно за мной следило. Вот сейчас мне замечательно: сделал – и молодец. Не сделал – тоже молодец, просто съешь на один пирожок меньше. Зато в прежней жизни мне приходилось совершить столько побегов, что по накалу страстей, если взять их в совокупности, хватило бы и на Бастилию, стоявшую под охраной глупого Ла Раме, и на Шошенк, и на историю с Мотыльком и Дастином Хоффманом.

Я совершенно не умею сидеть и пучить глаза, когда все уже давно сделал. И в поликлинике, и в больнице у меня всегда существовало по два пути отступления, главный и запасной. Основная дилемма заключалась в верхней одежде. Если я вешал ее в кабинете, пользуясь королевской привилегией игнорировать, на зависть обычным смертным, гардероб, то мне приходилось бежать уже одетым, и я рисковал натолкнуться на какую-нибудь проверяющую сволочь. А если я катился вниз как бы по делу, то неизбежно задерживался в гардеробе, где тоже мог натолкнуться на сволочь. К тому же меня выдавала сумка, по которой сразу делалось ясно, какое у меня дело.

Так я сбегал на час, на два, на три раньше времени.

Однажды ко мне вошла начальница, пожевала губами и потребовала объяснений.

– Но я же все сделал, – сказал я жалобно.

– Часы надо высиживать, – не без сочувствия ответила та.

Но я видел, во что превращаются фигуры тех, кто высиживает многочасовые лечебно-профилактические яйца. И дело не в факте сидения, потому что сейчас я тоже все время сижу, и неизбежно располнел, но именно докторский стан после долгого высиживания приобретает какие-то своеобразные формы. Откладываются какие-то совершенно особенные, тугоплавкие жиры, впитавшие вялое атмосферное электричество...

– Так чем же мне заниматься? – спросил я.

– Работайте с документами.

И я работал с документами: сидел и уныло перебирал больничные листы, читая об уголовной ответственности за их неправильную выдачу – по закону, принятому в щедром на выдумки 1937 году.

А вот в больнице я постепенно обнаглел и на излете врачебной деятельности уходил уже через час после появления на работе. Я говорил, что пошел лечить зубы.

Наконец, там рассвирепели.

Вообще-то ко мне приставали и с другими придирками. Последний начмед, например, упрекал меня в убогости стиля при оформлении историй болезни. Я еще скажу об этом отдельно. Я не то чтобы исправился, будем скромнее, но я старался, и надеюсь, что ему еще представится случай ознакомиться с результатами.

Естественная монополия

Когда я работал в петергофской поликлинике, я был там добрым следователем.

Потому что поликлиника, как ее ни крути, тоже общечеловеческое учреждение – а значит, в ней должен быть следователь добрый и следователь злой.

Я всех принимал даже без номерка.

А мой коллега слыл жестоким извергом, он был бездушная машина. В сложном медицинском процессе его больше всего привлекала административная сторона. Он постоянно делал в карточках разные пометки с восклицательными знаками, не имевшие отношения к диагнозу, но очень важные для профилактики жалоб и наказаний – «Герой!», «Инвалид!», «Участник!», «Идет на ВТЭК!», «Хочет на ВТЭК!» и так далее.

А сам уже много лет как сошел с ума и бредил жилплощадью.

Его как огня боялись.

После «здрасте» со мной он вываливал из портфеля судебно-хозяйственные бумаги и, задыхаясь он торжества, начинал объяснять, кого и где он вывел на чистую воду.

«Липа!» – ликовал он, тыча пальцем в какую-то испуганную подпись.

Мы с ним были в большом дефиците. Сами к себе рисовали талончики, половину спускали в регистратуру, чтобы публика к нам с утра занимала очередь. Пока я работал, полегче было.

Уходил я однажды в отпуск.

Спустился в регистратуру взгрустнуть, попрощаться. А там уже мой коллега рассказывает. И облизывается, пальцем грозит, рисуя перспективы своего одиночного труда:

– Десять талонов отдам, и все.

Подумав, с неуверенной радостью:

– Будете у меня визжать!...

За стойкой притихли, глядели на него с веселым страхом и готовы были визжать уже прямо сейчас, с зачетом будущих лишений.

Борзые талончики

Крепостное право у нас сохраняется. Никуда оно не делось. Развиваем начатую тему.

Вот меня, например, в поликлинике очень даже просто продавали. Низводя до талончика, ко мне на прием.

Придет к терапевтихе, а то и к самой государыне-заведующей, клуша. Принесет в авоське бутылку с конфетами, пшена, борзых щенков. Заведующая коньяк выжрет, пшена на пару с клушей поклюет, щенков помучает. И, раздобывшись, делает ответную благодарность: выдает талончик, к невропатологу.

Клуше вовсе не нужный.

Но клуша – давно, естественно, этого талончика добивавшаяся – расцветает. Бежит ко мне, а я сижу и вообще не при делах. Кто такая? Ах, вам меня прописали...

Отрабатываю коньяк, булькающий в заведующем животе.

Не очень-то приятно, когда тебя продают.

Захотят – в солдаты сошлют, как бывало; захотят – поженят на медсестре. Или на той же клуше. Беседуешь с ней – и будто сорок лет с ней прожил. Будто при Анне Иоановне проживаешь, для ее идиотской забавы. Бироновщина.

Как у Тредьяковского выходит. Я тут Зощенко читал, так он цитирует его оду на венчание шута и карлицы:

«Здравствуйте, женившись дурак и дура.

Теперь-то прямое время вам повеселиться.

Теперь-то всячески, поезжане, должно беситься».

Солитер

Однажды до и после полуночи у меня состоялся телефонный разговор с одной знакомой. Она спрашивала совета: ее подруга почувствовала, что в ее кишечнике зародилась некая Жизнь. Дня два уже там существует. Зарождение Жизни сопровождается потерей аппетита и легким головокружением. Поскольку Господь по избытку великодушия даровал человеку право именовать всякую тварь, больная нарекла Жизнь Солитером. Эта мысль пришла ей в голову сразу, едва она вспомнила рассказы о Солитере, которые слышала давно.

Я привел себя в боевую готовность, но тут выяснилось, что подруга уже устала думать о Солитере и задремала.

Зато задумался я: почему же Солитер?

И как вообще возможно иметь суждение?

Я говорю об этом, будучи закоренелым агностиком. Таинственная Жизнь в кишечнике напомнила мне примечательный случай, рассказанный одной очень умной женщиной, психотерапевтом. К сожалению, ее уже нет в живых. К этой женщине ходил матерый эксгибиционист. Ему ничто не помогало; пробовали гипноз, рациональную психотерапию, гештальт, психоанализ – впустую.

Целительнице он надоел смертельно.

Однажды она погрузила его в легкий эриксоновский гипноз и заставила воображать всякую всячину. Бедняга, как обычно, сразу увидел льва, который в подобных видениях равнозначен «Я». В сторонке от льва прогуливался папа. Папа эксгибициониста, не льва.

Лев этот тоже осточертел докторше. Она уже понятия не имела, что с ним дальше делать. «Хорошо, – сказала она наобум. – Лев съел папу».

И лев съел папу.

На следующий сеанс клиент явился с букетом роз и прочими дарами. Он полностью выздоровел и теперь сиял.

Кто же мог знать?

А вы говорите: Солитер. С дурной уверенностью.

О деликатных тонкостях

На уроке сексуальной квалификации доктор Щеглов рассказал нам, что экспертиза эротической видеопроductии – дело весьма тонкое и непростое. Собирается важная комиссия, состоящая из солидных людей. Они отсматривают фильм и приглядываются: подтягивается ли во время совокупления мошонка. Если она подтягивается, то копуляция натуральная, а кино порнографическое, и за него надо посадить. А если висит, то это полное фуфло, обман потребителя, равнодушная имитация, она же – высокое, как известно, искусство. Сажать не надо, можно дать приз Венецианского кинофестиваля.

Вообще, эти уроки бывали очень познавательными. Один доцент, например, Петров ему фамилия, вел у нас цикл «Социальные аспекты сексологии». Он ничего другого не делал, кроме как пересказывал нам сцены из разных фильмов, особенно напирая на «Калигулу», и в глазах его, которые над аккуратной бородкой были, светилось неподдельное восхищение.

А профессор Либих – ныне покойный, как я понимаю, но если нет, то виртуально прошу у него прощения – задавал неожиданные вопросы: чем, например, должно пахнуть в уборной? И сам же отвечал, что в уборной всегда должно немножко пахнуть уборной. Он был милый человек, но очень сильно смахивал на Берию. Однажды он решил показать нам гипноз. Для этого, по его словам, ему нужно было выбрать идеальную кандидатКУ, и он пошел по проходу, выискивая сродственную, созвучную его душевному строю, фигуру. И вдруг, подавшись вперед, молча задвигал нижней челюстью. Я по сей день пытаюсь подобрать какой-нибудь подходящий аналог из животного мира, но безуспешно. Подвигал, походил, схватил одну самку. И загипнотизировал.

Реакция на Реформацию

В английской книге я с интересом причитал о современной наклонности к виктимизации. Что означает увеличение числа поводов вчинять иски и требовать компенсацию ущерба.

Особенно порадовала история о каком-то жителе Дикого Запада, который вдруг ни с того, ни с сего застрелил хорошего человека, а после оправдывался: я, дескать, поел несвежее из местного Макдональдса, так пусть столовая мне денег выплатит. А что стрелял – за то судите, ваша сила.

Такое, вообще-то, началось уже и у нас. Я, по-моему, рассказывал где-то о легком способе прожить весело и безбедно. Прийти в больницу, сказать, что головой ударился, получить бумажку о том, что мозги не сотряслись. Потом, через пару часов, явиться в другую больницу и там изложить все то же самое, но с устрашающими моментами: тошнит, крутит и вообще жить не хочется. Взять вторую бумажку: мозги сотряслись.

Потом подать в суд на первую больницу, тряся и размахивая ее первой же, безобидной бумажкой.

Появились особые гады-консультанты из медиков, которые всему этому учат. Вроде меня, прямо сейчас.

Одна, помню, совершенно спятила: ее отпустили живой и непоруганной, а она захотела судиться с дежурным урологом: почему он, мол, не проводил ее через больничный двор к автобусной остановке.

Все это дело готовилось зародиться и чуть не зародилось совсем, как при всамделишном порочном зачатии, году в 1987. Тогда объявили близость Реформы Здравоохранения. И, восхищенную слюну разметывая, говорили: если вы сломали ногу на улице, вам больничный не оплатят, но вы зато сумеете подать в суд на жилконтору, которая не посыпала тротуар соевым песочком.

Я все думаю, что вышло бы, реализуйся задуманное. Кто-то еще, видно, задумался, почесал репу. Представил виктимизацию в национальных масштабах и с коммунально-бытовой спецификой, да если добавить еще извечное, некрасовское правдоискательство – ой, ой!

В итоге что-то зреет, но как-то бродит уже, не очень удастся.

Правда, недавно заасфальтировали кусочек улицы близ моего дома – поверьте, что я бы меньше удивился, явись ко мне английская королева. Но это же черные себе подъезд облегчали, которые магазин купили. Теперь не стыдно и в иномарке показаться, с пузом-то расстегнутым.

Транквилизатор

Короткая история, моментальный снимок. Snapshot, как говорят в народе.

В годы работы в поликлинике самым приятным обстоятельством было расположение моего кабинета. Он находился напротив сортира. Никакого сорокоманства – я просто курил там. И все там курили, и всем приходилось бегать, а мне всех делов-то – единожды шагнуть мимо очереди якобы по важному делу, и курить.

И вот (оборот этот уже надоел, но все же), и вот я однажды вошел туда совершенно представительный, в белом халате, со строгим лицом. У подоконника содрогался человек в ушанке. На подоконнике стояла початая бутылка портвейна.

Увидев меня, человек осклабился.

– Доктор невропатолог вышел покурить, – отметил он не без надменной приветливости.

– Что это? – указал я на бутылку вместо ответа. Я был строг.

– Это? – Он посмотрел на портвейн. – Транквилизатор.

Я сдвинул брови. Он вынул из-за пазухи справку, в которой было написано, что ему недавно удалили легкое, и удалили нес проста.

Я раскрыл рот, чтобы сказать что-нибудь душеспасительное и вразумляющее, но вместо этого бросил папиросу в горшок и ушел.

Запомнилось почему-то.

Визит дамы

Удивительными делами хворают люди – иногда.

Мелкое воспоминание с потолка.

Пришла ко мне однажды на прием, в поликлинику, одна женщина лет полста. Крупная, со смиренным лицом, довольно безропотная.

Села и хрюкает.

Это у нее была такая болезнь. Она пришла, чтобы я ее спас – но это я так решил, а на самом деле я понятия не имею, зачем она пришла. У нее была карточка толщиной в роман «Идиот».

Ее спасала профессура, бывшая для меня надменным скоплением иронических звезд. И академики там тоже сияли. На эту тему в чудовищной карточке было много потертых выписок, написанных убористым почерком.

Не спасли.

Она смотрела на меня и продолжала равнодушно хрюкать с интервалом в тридцать секунд.

Я присмотрелся и решил вдруг, что это ей даже немного идет.

Я не смеюсь над этой гостьей моего беспомощного кабинета. Скорее, расписываюсь в бессилии.

Выписал ей феназепам, отпустил. Покорно взяла рецепт, пошла, хрюкнула на пороге.

Правильно я оттуда уволился – что мне там делать? Когда такие трагедии.

Под водительством Мопассана

Жила-была одна женщина, и вот она захворала. Захворала не совсем смертельно, но неприятно. Она лежала на постели, кротко улыбалась и говорила, что не может пошевелить ни руками, ни ногами. И не шевелила. Долго. Счет пошел не на месяцы, а на годы.

Наконец, пригласили серьезного специалиста по таким недугам.

Он пришел и увидел огромную кровать, посередине которой лежала больная, на спине. (Этот специалист, между прочим, рассказывал нам, что всегда, входя в незнакомый дом, смотрит, сколько места в комнате занимает кровать).

В личной беседе с больной он добился немногого. Она умиротворенно глядела в люстру с красивыми висюльками.

Тогда настал черед беседы с родственниками, и здесь дело пошло живее. Выяснилось, что в этой семье произошла страшная трагедия. Муж пациентки изменил ей. И с тех пор она такая. С тех же пор он старается заслужить прощение и снисхождение. Он военный, настоящий полковник.

– А где же, где же спит этот негодяй, это чудовище? – спросил специалист.

– Вот тут, – и ему указали на небольшой жесткий сундучок, накрытый клеенкой. Сундучок приютился в темном углу.

Специалист пошел к выходу. Откуда-то выскочил полковник.

– Ну скажите, – зашептал он, – когда она поправится? когда?

Специалист посмотрел на него и пожал плечами:

– Никогда.

На линии доктор Кулябкин

В 2001 году вместе с нашей дачей сгорела и книжка, которая хранилась там много лет. Это был толстый производственный роман из жизни врачей под названием «На линии доктор Кулябкин». Его все моя мама читала, я не сумел. При виде заглавия мне всегда вспоминался один доктор, тоже такой вот простой, с невразумительно говорящей фамилией, со своими нехитрыми радостями и горестями, о которых так приятно прочесть. Пусть эта фамилия сохранится, настоящую я забыл, да и ни к чему ее указывать. Пусть меня простят за плагиат.

Правда, быт этого доктора – я уверен в этом, даже не читавши романа – во многих мелких деталях отличался от быта героя.

Мне приходилось сталкиваться с Кулябкиным, когда я подрабатывал в некоторой поликлинике на Петроградской стороне. Это был худощавый мужчина в несвежем халате, с затравленными глазами и добрым лицом. По-моему, он был хороший человек. Наверняка его любили больные. Спокойно и уверенно вышагивать по жизни ему мешал чудовищный перегар, толчками вырывавшийся из его прыгающих губ. Казалось, он постоянно ждал опасности, заслуженного удара в спину, разбирательства, замечания, упрека.

Однажды, дожидаясь машины в регистратуре, я слышал, как регистраторше поступил приказ разыскать доктора Кулябкина и отослать его на ковер для выпуска отравленной крови. Не знаю уж, что он натворил – может быть, куда-то не сходил, а может быть, что-то не записал.

Приказ был исполнен немедленно. Кулябкина разыскали и направили по назначению.

– Из доктора Кулябкина сейчас фарш сделают, – заметила хромая регистраторша, едва к ней сунулся кто-то знакомый. Она сияла, она цвела. У нее усилилось слюноотделение, ладони сладко терлись друг о друга. Мерещилось, что от их соития у нее вот-вот родится третья.

– Сейчас из доктора Кулябкина котлету сделают, – сказала она через две минуты еще кому-то.

– Сейчас из доктора Кулябкина шашлык сделают, – сказала она мне.

– Сейчас из доктора Кулябкина форшмак делать будут, – сказала она в пространство.

Месяца через два доктор Кулябкин исчез. Никто не знал, где он, и говорили о нем с легкой тревогой и заблаговременным сочувствием. Потому что исчез он надолго. «Нигде его нет, – говорила регистраторша. – Домой к нему ходили. Нету. Вот уже месяц». И я тогда сам решил, что с Кулябкиным приключилось что-то совсем нехорошее.

Потом он тихо появился. Приступил к должностным обязанностям.

О причинах отсутствия спрашивать не хотелось. О них и не говорил никто, все понятно.

Он, конечно, не закусывал, потому что сам был закуской.

Языковой барьер

За человеческой мыслью не угонишься.

Оказывается, пациентки моей матушки, когда им прописывают свечи, делают так: бросают их в унитаз, а после садятся и справляют нужду. Они не выбрасывают свечи, нет, они пребывают в полной уверенности, что после этого поправятся.

Путь к сердцу мужчины лежит через желудок

Хочу посетовать на некоторый цинизм медицинской науки. Изучали мы, помнится, рентгенологию. И нам предложили зайти в этот пронизательный аппарат и посмотреть на себя изнутри, вживую. Не снимок какой-нибудь сделать, а запустить научно-популярный кинематограф. Зашел я, значит, туда, и оказалось, что во мне сокращается нечто колоссальное. «О, какое большое сердце», – удивился рентгенолог. Я приосанился и скромно улыбнулся, поглядывая на дам. «Это очень плохо, – сказал рентгенолог, – с таким большим сердцем долго не живут».

Потом одну девушку, коротышку такую, заставили выпить сульфату бария для показательного обзора желудка.

«Редкий случай, – сказал рентгенолог. – Желудок-чулок. Посмотрите, какой он длинный – даже дна не видно, он спускается в малый таз».

Согруппница, и раньше меня не особенно привлекавшая, вообще перестала существовать для моего умозрения.

Сейчас-то я, конечно, наплевал бы на кишечнополостные чулки, но тогда было другое дело, всего лишь четвертый курс. Или третий? Не помню уже. Еще сохранялось подобие романтизма, не признававшее желудков.

Маврикиевна

У нас в институте был преподаватель физиотерапии. Вот интересно – вспомнил бы о нем кто-нибудь так, как я вспоминаю, прилюдно? Да ни за что, я уверен. А ведь всякий человек заслуживает памяти, разница только в ее масштабах.

Это был старец, видом своим и голосом наводивший на легкие подозрения в скопчестве. Хотелось направить его куда-нибудь на обследование, проверить на этот предмет. Тогда медицина была уже достаточно развитая, чтобы это определить.

Сидеть на его уроках было невыносимо. Мало того, что он долго и нудно рассказывал о вещах, нас абсолютно не интересовавших, так у него еще и было выражение из числа паразитов: «Ясно или нет?» Без всякого выражения, монотонно, не меняясь в лице, он ставил этот вопрос в конец каждой фразы. Кстати говоря, интересно: чем питаются слова-паразиты? С глистами, например, вполне понятно, их корысть очевидна. А вот чего искать слову в престарелом мозгу, пораженном склерозом?

Короче говоря, это самое «ясно или нет» было его визитной карточкой. Сослуживцы глумились над старцем. Бывало, придешь к нему за зачетом или еще за чем, по крайней необходимости, и просишь первого встречного его позвать. Встречный радостно голосит:

– Маврикиевна, на выход!

И он выбегал:

– Ясно или нет?

В общем, слушали его, слушали, пока не лопнуло терпение. Украсили прибор: Электросон. Я в краже не участвовал, но был посвящен во все детали. Это было в крови у моих товарищей – спереть. Изуродовали, помню, дореволюционный фармакологический фолиант, выкусили из него главу «Героин» для домашних опытов.

Началось следствие. Явился декан, заклинал вернуть, угрожал, обещал помиловать за чистосердечное признание. Злодеи тупо молчали. Декан ушел, он знал, с кем имеет дело и какая публика собрались в этой группе.

Друзьям моим Электросон не пошел на пользу. Шли годы, а их здоровье продолжало неуклонно ухудшаться.

Пирация

В школьном вестибюле, на лавочке, широко раскинулась квашеная бабуля с первично добрым, но временно возмущенным, лицом. Она громко говорила. Привожу ее рассказ по возможности дословно.

«...кишки мне чистили, из кишок у меня полведра гноя выпустили (с этого момента я и стал прислушиваться к рассказу). Я все ходила к нему, ходила, а он мне написал направление пирироваться. Я своим ходом взяла такси, приехала, а он мне там говорит: я вас не возьму, у меня чистое, а вы гнойная. Я ему говорю: как же так? вы же сами мне дали направление. А передо мной были мужчина и женщина, с сумками. Женщина осталась, а мужчина с сумками пошел. А он взял мое направление и порвал, вызвал скорую и говорит: только никому не говорите, что это я вас отправил. И вот мы едем, я все смотрю: куда же это меня везут? И привозят на Богатырский, ну да! в эту мерзость! в этот свинюшник! Наорали на меня, я говорю: чего вы орете? Сунули в палату, в морозильник, там бабулька лежала с этим, с рожистым воспалением, и нарыв у нее на ягодице. Селедка на окне замерзает, селедка! Булку ели. Обед холодный! Второго – никакого второго! За весь день никто не подошел, а на другой день только вечером, у них оказывается пирации с семи часов, во как. В кресло затолкнули, на стол. Там подошел, спросил только, чем болела; я сказала: воспалением легких, и все, дали наркоз, я час ничего не слышала. А вот на Березовой, когда вторую пирацию делали, я все слышала!»

Почему-то она особенно негодовала на то, что не слышала.

Между прочим: ведь пирацию все же сделали! Поправилась! Выписалась! Вот так.

Шубы

Мне припомнилась история, которой хвасталась наша преподавательница инфекционных болезней, на пятом курсе.

Это была странная женщина. Я никак не мог ее определить. Светлая кубышка без особого возраста; сказать, что дура – нет, не могу, но контакт не ощущался. Что-то далекое. Потом я понял, что за выпученными базедовыми глазами скрывается безумие.

Она рассказала нам именно о прожарке и сожжении. К ней поступили какие-то женщины, приехавшие с неизвестной хворью из Индии, где они прикупили очень дорогие шубы. Масло масленое – меховые, конечно. Что-то очень редкое и роскошное.

Узнав, что шубы отправятся в печь на дезинфекцию, дамы закатили истерику. Но слушать их никто не собирался.

В этом месте рассказа преподавательница оживилась. Глаза ее засверкали пуще прежнего, и я понял, какого рода вещи доставляют ей удовольствие. Дальше дословно:

«Мы отняли у них шубы и положили в специальную камеру. Вы представляете, какая там температура? Через какое-то время мы вынули оттуда огромный сплюснутый ком. И мы стали прыгать, плясать вокруг него и петь разные песни».

Диссиденты

Году, наверное, в 89-м, когда всякие разоблачения были очень и очень в цене, ко мне на прием явилась бабушка. Свои жалобы она начала с того, что назвалась жертвой сталинских репрессий. А я как раз закончил знакомство с «Архипелагом ГУЛАГ» и был настроен соответственно. Конечно, я сразу проникся к бабушке расположением. Я был готов сделать для нее все, что угодно.

– А старик-то мой, старик! – пожаловалась она. – Молодую себе завел!

Речь шла о человеке 70-летнего возраста. Как назвать то, что произошло дальше? Озарением? Клиническим мышлением? Не знаю. Я произнес очень правильную фразу, после которой стало ясно все.

– Вот вам таблетки, – сказал я. – Но только вы их ему не показываете.

– Думаете, может подсыпать что-нибудь? – охотно встрепенулась бабушка.

Я расслабился.

– Ну да, – я не стал ей возражать. – А перед этим загляните в желтое двухэтажное здание, которое во дворе.

Из двухэтажного желтого здания бабушка вернулась в сильнейшем раздражении. Мне пришлось перенаправить ее туда, но уже принудительно.

В общем, к иным мученикам совести надо присматриваться. Их, разумеется, много.

Но человек, который некогда явился ночью на еврейское кладбище, сделал себе обрезание и отправил обрезки в посылке Брежневу с припиской о том, что только что совершил политическую акцию – тот человек тоже мучился совестью.

Гангстер

Гангстер был моим пациентом.

Удовольствие от этого общения я получал осенью 93-го года, когда заправлял хозрасчетным курортным отделением.

Гангстера положили ради денег, потому что к тому времени отделение уже дышало на ладан и катилось к неминуемой гибели. Никакого нервного заболевания, кроме махрового алкоголизма, у него не было. Моя начальница подружилась с ним, раскаталась перед ним в блин, легла под него (мои домыслы), возила его всюду с собой. В великодушии, причиненном белой горячкой, он пообещал вообще купить все здание с отделением вместе и сделать публичный дом со мной в качестве заведующего.

Как ни странно, он и вправду ворочал какими-то деньгами, что-то химичил.

Ходил в тройных носках трехмесячной выдержки, носил грязный свитер, выпячивал пузо, ел бутерброды с колбасой, небрежно относился к лечению. Развлекался в меру сил: воровал медицинские бланки и заполнял их на имя соседа по палате. «Общее состояние: желает лучшего. Кардиограмма: хреновая».

Часами просиживал в моем кабинете, глядел на меня рачьими глазами, чего-то ждал.

– А я сегодня убил человека, – вздохнул он однажды с порога. – А что было делать? Иначе бы он убил меня.

Было дело, мне понадобилось купить сотню долларов. Он торжественно выдал их мне и рассказал, что банк, которым он закулисно владеет, самый надежный из банков. Это был очень известный банк, но я не буду его называть. Его уже нет, по-моему.

В другой раз он, смеясь, посетовал на неприятности, доставленные ему милицией и госбезопасностью. Он допустил промах и взломал их базы данных – я не очень представляю, как он ухитрился это сделать, потому что в те годы даже не слыхивал про Интернет. Впрочем, люди его уровня уже, вероятно, имели в него свободный доступ.

– Приехали, – хохотал он. – Пушки вынули: «Ты что делаешь?!»

Наконец, гангстер открылся мне до конца. Оказалось, что он является членом тайной, глубоко законспирированной организации диверсантов, которых всего человек тридцать по стране. Еще в 70-е годы их специально готовили для совершения глобальных экономических преступлений. Об этом не знает ни одна живая душа, кроме меня. И мне теперь придется держать рот на замке.

А я-то его лечил.

В каждом рисунке – солнце

Зашел в поликлинику, побродил. Нигде нет утешения, нигде. Вспоминал бомжа, которому в больнице делали пункцию, а он кричал: «В милиции быют, и в больнице быют!» Сушая правда.

Я не про докторов и всякое там чувствительное отношение, это ладно, с этим понятно. И не про клятву мыслителя, чья некрещеная душа по сей день в недоумении топчется у небесных врат, не разбирая входа, и расходует драгоценную Вечность на пустопорожние беседы с такими же античными умниками.

Я про настенные тексты и живопись. Уж здесь-то хоть можно подпустить оптимизма. Написать, например: «Будьте здоровы!», «Вы все когда-нибудь поправитесь!», «Ура!». Но ничего такого нет. Вместо этого пугают, например, по укоренившейся привычке, половой жизнью. На самое светлое, самое радостное заставляют взирать как на дизентерию, о которой речь рядом же. Нарисованы два силуэта, Он и Она – что может быть проще и чище? ан нет, силуэты наполняются зловещим значением. Больше не постреляешь глазами по прохожим женщинам, теперь пойдешь себе, глядя под ноги на туберкулезные плевки и раковые окурки.

Впрочем, иначе и нельзя. Надо напугать. То, что из меня в поликлинике сделали женщину, добавив к фамилии букву «а», уже лишнее, а так все правильно.

Помню, однажды, когда я еще учился в школе, мой отчим – пригородный доктор – поручил мне нарисовать плакаты о вреде пьянства, для больницы. В коридоре повесить.

Я нарисовал, запомнились два. На первом Три Богатыря сражались с зеленым Змием Горынычем. И в этом бою терпели полное поражение: лежали вповалку, и скифские вороны кружили над их бездыханными телами, и за лесами угадывалась безутешная Василиса-Ярославна. По моему замыслу, богатыри сами нажрались, вот и пали героической смертью.

На втором плакате огромная улыбающаяся змея заглатывала печень ошеломленного обывателя.

Получилось очень красиво, с избытком мелких деталей.

Тут пришел знакомый нашей семьи, мельком взглянул на мое художество. Разочарованно сказал, имея в виду собирательного алкоголика:

– Ему это что! И непонятно, и неинтересно. Ему милиционера нужно показать...

Нос

Поведение финнов, посещавших нашу культурную столицу в былые времена, хрестоматийно и общеизвестно.

За экстрим нужно платить.

Один такой финн приехал и не придумал лучше, чем дразнить собаку окурком. А может быть, он учинил над ней еще что-то, не помню. Отечественная собака возмутилась и откусила ему нос в аккурат по линии Маннергейма.

Финна поволокли в районную больницу города Всеволожска, что в тридцати километрах от Питера. Там на него посмотрели косо: лоров отродясь не держали, а потому не были уполномочены прилаживать обратно заслуженно отчекрыженные носы.

Начали выяснять, какое лор-отделение дежурит по городу. Выяснилось, что в 26-й больнице такое отделение не смыкает глаз. Нос бросили в целлофановый пакетик и вместе с финном в качестве приложения повезли через весь Питер в эту самую больницу.

Там, понятно, было невпроворот своих дел. Суетились да прилаживались часа три. Потом потеряли нос.

Холодный душ Шарко

Я не переношу литературную критику. На мой взгляд, это совершенный паразитизм. Имеешь мнение – ну и имей, ты такой же читатель, как все, но ты предпочитаешь навязать его миру, да еще денег за это срубить. Волею обстоятельств, вознесших тебя и давших тебе рупор. У других-то рупора нет, а у тебя есть.

Меня дважды в жизни подвергали уничтожающей литературной критике.

Она пролилась холодным душем.

Первый случай был на третьем курсе, когда я начал изучать терапию. Нам приказали написать первую в жизни историю болезни, от и до. Ну, я и написал, странички две. Объем, между прочим, вообще не оговаривался. Так после этого наш педагог взял мою тетрадку двумя пальцами и воскликнул, потрясая ею не без брезгливости:

– Вопиющее убожество мысли!

Второй эпизод произошел в больнице, о которой я часто пишу. Историю болезни, уже настоящую, приволок начмед, весь красный от негодования:

– Вопиющее убожество стиля! – захрипел он.

Я оправдывался, говоря, что писал под диктовку заведующей, но он не слушал, и был прав. Копирайт оставался за мной.

Таких вещей я не прощаю.

Отомстил. Сделал своим документальным героем. А моим героям приходится несладко.

Малый Апокалипсис

Я уже как-то писал, что при советской власти о людях, как ни странно, заботились больше.

Все и всех волновало. Как он там? Что делает? Чем дышит? Не разложился ли?

Помню случай, совершенно немыслимый в наше время.

Я работал в поликлинике; год, если не путаю, был не то 88-й, не то 89-й. Повадился ко мне на прием один тип черт-те с чем. Не то он ударился головой, не то простудил себе шею – неважно. Главное, что он ходил и ходил. И весь был какой-то смурной, но прицепиться не удалось. Болезнь его казалась неизлечимой, но я не расстраивался: гнал, да гнал ему больничный.

На четвертой неделе моя начальница, которая эти больничные продлевала, не вытерпела. А он как раз не явился почему-то. Призвала она меня к себе и строго приказывает: едем.

Так, прямо с приема – она со своего, я со своего – мы и поехали, к великому унынию очередей. Это было названо активным посещением на дому.

Вышли, как сейчас помню, из машины во двор. На улице я всегда себя чувствовал неуютно в халате, зато начальнице – хоть бы хны. Не только в халате, но и в чепчике, с мерой в руке, очень суровая. Поднялись к больному, дверь не заперта, он лежит на диване. Мы показали ему белыми ангелами смерти, что, в общем, соответствовало действительности.

У стены в его комнате стоял невиданный агрегат. Мне никогда не встречалась емкость для браги под потолок ростом. С краном. На треть опустошенная.

– Пойдите, пойдите, – захрипел он.

Мы вышли.

Возможно ли нынче такое участие? Не верится. Никто не посетит, не отругает, не выпишет на работу.

Ностальгия

Я вспоминаю (что за напыщенность, черт побери: Я! Вспоминаю! Кто я такой? Не читайте) поликлинику в городе Петергофе, где я работал лет двенадцать тому назад.

Сначала я вспомнил про инвалида гражданской войны, который пришел ко мне выписать одеколон. Потом я вспомнил про беременную женщину, которая явилась ко мне, будучи на седьмом месяце, и призналась в неумном сексуальном желании.

Наконец, я припомнил глухонемую швею, которой я дал бумажку для изложения жалоб, и она написала: «Очень болит спинка и все обижают».

После этого я почувствовал себя примерно так, как чувствовали себя все эти трое, вместе взятые.

Варангер-фьорд

Военного доктора из меня так и не вышло, хотя государство очень старалось и даже оплатило мне билет в Североморск, чтобы я развивался. Туда даже пригнали радиоактивную лодку «Комсомолец», но припозднились, и я уже успел свалить. Целый месяц нам читали разные лекции, которые на деле мне нисколько негодились. Мне совершенно напрасно рассказывали про отравление компонентами ракетных топлив и декомпрессионную болезнь, не говоря уже о сортировке санитарных потерь. Оказалось, что вынужденное бездействие бывает куда полезнее. Месяц прошел, и меня отправили на практику. Кто-то решил, что наилучшего опыта я наберусь у норвежской границы, в микроскопическом местечке под названием Лиинахамари, где Варангер-фьорд.

Явившись, я увидел в заливчике тройку доисторических подлодок. Улыбаясь, я отработал майору медицинской службы, что являюсь начальником медицинской службы надводного корабля. «А у нас таких нет», – майор улыбнулся в ответ и развел руками. После чего списал меня в гарнизонную поликлинику, на амбулаторный прием. Желающих показаться мне не было, хотя слух о серьезном докторе из самого Питера разлетелся быстро: спешите! всего несколько представлений! всю смену на арене. Мне удалось сделать одно доброе дело и уложить в больницу города Никель одного бедолагу с радикулитом, которого третий месяц гробили анальгином. Сегодня, правда, оглядываясь на свой больничный опыт, я начинаю сомневаться, что поступил правильно. Больница Никеля почему-то не внушает мне особого доверия.

Все остальное время я валял дурака.

Проглатывал три или четыре колеса седуксена и ложился в семь часов вечера. Седуксен я пил потому, что меня, за неимением лучшего, поселили в зубоврачебном кабинете, и я спал полулежа, в зубном кресле. Моя нелюдимость и склонность проваливаться в небытие сильно удивляли моего денщика – да, ко мне приставили матросика и велели ему за мной присматривать, носить мне чай, будить меня, и так далее. Хороший был паренек, простой. Он искренне хохотал, глядя в телевизор, где под Ласковый Май танцевал дрессированный медведь. «Пусть в твои окна светит беспечно розовый вечер», – пел телевизор. «Жопой-то, жопой крутит,» – смеялся денщик. Я мрачно следил за обоими из-под полуприкрытых век. Пока однажды, в воскресный день, он не ворвался ко мне с диким криком, зовя на причал.

Я, холодея, бросился к морю. Я отлично понимал, что если что, мне придется принимать самостоятельное решение. И мои худшие опасения подтвердились. При погрузке подводной лодки сломался какой-то кронштейн, и груз весом в семь центнеров рухнул в люк, прямо на мичмана.

Мичмана извлекли. Глаза его плавали в разные стороны, и он уже почти не дышал. Мне повезло, что я не принял никаких мер и не оставил никаких записей. Меры и записи уже не требовались. Я тупо стоял над мичманом, попеременно глядя то на него, то на аптечную сумку, приволоченную денщиком. Если бы я сделал нечто заполнозное и бессмысленное – вколол бы ему, скажем, что-нибудь – то после не отмылся бы вовек. Но травма была несовместима с жизнью, и я стоял.

Тем временем кто-то позвонил в деревянный госпиталь, находившийся в километре от базы. Примчалась машина, мичмана увезли. В госпитале дремали без дела такие же подневольные, как и я, питерские реаниматологи, мои товарищи по беде. От нечего делать, когда мозг несчастного мичмана уже давно перестал работать, они запустили ему сердце. И Северный Флот встал на уши, разыскивая смельчака, который взял бы на себя ответственность и написал: отключить аппарат.

Масоны

Много лет мне не давали покоя любители уринотерапии. Я лично знал некоторых, употреблявших чудесную влагу наружно и внутрь.

Мне всегда казалось, что за этой склонностью кроется нечто большее. И только недавно я ни с того, ни с сего догадался: эти люди обретают свою, как выражаются психологи, идентичность.

К закату моей медицинской карьеры я уже набрался достаточного опыта, чтобы сразу определить, кто в принципе согласится на уринотерапию, а кто – нет. Ну, и тех, конечно, кто уже согласился. По особому блеску в глазах и томику Малахова на прикроватной тумбочке. Блеск всегда бывал с оттенком вызова. Казалось, что эти люди мысленно зачисляют себя в тайную мочевую ложу. Общедоступный и недорогой способ снискать особость, раз уж другие пути заказаны. Ощутить себя неким единомышленником, хотя вопрос о мышлении остается открытым.

Тем более, что обычный социум не принимает этих людей. Получается настоящая дискриминация, так что отверженные давно заслуживают отдельной агрессивной партии. Ну, если не партии, так хоть парады могли бы себе выторговать. Ходили бы, да утверждались, вместе с босыми последователями Порфирия Иванова.

У матушки на работе была одна такая сотрудница. Садятся доктора с утра попить чаю, печенье достают всякое, котлетки на хлебушке. И эта подсаживается с краю, ставит стакан, наполненный до краев. Понятное дело, ее не приветствовали. Матушка моя – она так прямо и посоветовала ей соответственно закусить.

Одна снежинка – еще не снег

К одному известному сексопатологу пришел на прием один же майор. Майора трясло, он был бледен и чуть не плакал.

Будучи в командировке, майор познакомился в поезде с доступной и симпатичной барышней. Быстро созрел маленький железнодорожный банкет. За банкетом последовала камасутра дальнего следования.

Утром майор продрал глаза и увидел при барышне вопиющие первичные половые признаки. Барышня, если уместно так выразиться, была барином. С нею вышла незадача, как пелось в песне.

И вот поэтому майор, на части разваливаясь, примчался к сексопатологу. Его мучил вопрос: гомосексуалист ли он уже или еще нет?

Был вкрадчиво обласкан и успокоен: если один раз – это ладно.

Готовь сани летом

В гинекологическое отделение явилась древняя бабушка. Она попросила справку, в которой нужно было написать, что у нее богатырское гинекологическое здоровье, а скверных болезней нет совсем.

В справке ей, конечно, отказывать не стали, но осторожно осведомились, зачем такая бумага нужна.

Бабушка объяснила.

Оказалось, что она пустила к себе студента, сдала ему комнату.

Готовь сани летом.

«Вдруг ему захочется, да он побоится? А я ему справочку на видное место и подложу».

Падения и выпадения

Знакомый гинеколог негодовал. Ему пришлось дежурить в корпусе, который он сильно не любит. Мало того: ему не дали выспаться – в три часа ночи доставили юную особу с предварительным диагнозом «выпадение стенок влагалища».

Какая, позвольте, надобность приезжать с этим в три часа ночи? И что такого может выпасть на заре туманной юности? Я понимаю, в почтенном возрасте, в преклонных годах – это да, это заслуженное заболевание. А тут?

Ничего у нее, разумеется, не выпадало, просто трахаться надо меньше, а то все распухло.

На моем дежурстве тоже был похожий случай. Дежурил я в новогоднюю ночь с 1997 на 1998 год. Изумительное выдалось дежурство! Никого! Тихо! Радостно!

Опасаясь неожиданных пакостей, мы с другом-урологом не особенно напились. Но к пяти утра уже покачивались. И тут, в эти самые пять утра, заявляется хрупкая барышня и жалуется на то самое, что так и не выпало у первой больной. Дескать, болит. Спрашиваем: давно ли болит? Уже неделю. Самое время показаться.

Новый год, раннее утро. С наступившим!

Матка-яйки

Владимир Ильич был прав, конечно, когда распространялся о чистоте русского языка и возмущался словом «будировать». Однако лингвистическая самобытность в последнее время меня достала. Сию вот минуту натолкнулся на разъяснение переводчиком умного слова «галакторея». В скобках, хотя его никто не просил объяснять, потому что текст специальный, он написал: «избыточное молокоотделение». Уж и не разберу, какие мысли приходят в голову – не то об отделении милиции, не то о больничном. Наверное, я придираюсь, глаз замылился. Наверное, написано правильно.

Правда, заимствование обыденных образов для описания вполне научных вещей раздражает многих, хотя считается признаком умудренности, принадлежности к старой школе, намекает на опыт и благоухание седин. Это славянофильство, конечно, бесит западников, которые не помнят родства. А то и похуже кого распаляет.

Матушка моя, помню, рассказывала о старушке-доцентихе, под чьим началом она начала работать в родильном доме. Эта старушка не признавала современную систему мер, сантиметры и миллиметры ее не устраивали. Она требовала, чтобы молодые доктора писали в истории болезни: «матка величиной с куриное яйцо». Далее, по мере созревания плода: «матка величиной с утиное яйцо», «матка величиной с гусиное яйцо».

Маменька моя не сдержалась, написала в итоге: «матка величиной с яйцо крокодила».

Хлопци-кони

Врачебные ошибки не всегда обходятся дорого. Бывает, что получается сплошное добро и даже благо.

Однажды областная карета скорой помощи с гиканьем и свистом выехала на острую задержку мочи.

Время суток было темное, деревянные домики казались одинаковыми. Поэтому наездникам было простительно эти домики перепутать.

Ворвались в одну избу, очень строгие. Без слов. Возле печки лежала древняя бабушка. Мгновенно выпустили ей мочу и растворились в ночи.

Притихшая, опытная бабушка, так и не раскрывшая рта, была потрясена таким вниманием.

Про молодость, которая не знала, и про старость, которая не могла

В дохтурском деле часто ощущаешь себя силой, что вечно хочет блага, но вечно совершает – ну, не то чтобы зло, но и не совсем добро. Дело не в том, что пропишешь какую-то неправильную гадость или зевнешь что-нибудь смертоносное: оно, быть может, было бы и к лучшему. Бывает, что сделаешь все замечательно, а получается вред.

Когда я студентом проходил хирургическую практику в городе-Калининграде, у меня в палате лежала одна бабуля. До неприличия грузная, и дело ее было плохо. У нее развилась гангрена левой стопы, потому что сосуды уже не годились ни к черту, особенно на ногах: забились наглухо.

Так что на ученом совете дружно придумали эту ногу отрезать всю, целиком.

Заплаканные родственники бабули бродили по коридору и мысленно – а может, и на словах – с ней прощались.

Мне даже довелось поассистировать на операции. Сейчас не вспомню, что я делал; наверное, держал крючки, как это принято, да еще шил, а ногу пилил настоящий опытный доктор, специальной пилой.

Короче говоря, все мы думали, что бабуле конец. Не в тех она находилась годах, чтобы ноги резать, да еще наркоз, штука нешуточная. И что же вышло? Бабуля резко пошла на поправку. Оно и понятно: во-первых, не стало гангрены; во-вторых, она лишилась значительной своей части, в которую какие-никакие сосуды, а все-таки гнали кровь. Теперь эта кровь бодренько поступала к жизненно важным органам, и сердце у бабули заработало очень неплохо, и голова прояснилась.

Загрустившие было родственники мигом насторожились. Вместо положенной по замыслу благообразной покойницы они приобрели одноное внутрисемейное приложение. А наследство уже поделили, прямо в коридоре. Вот так. Смотрели волками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.